

УДК 339.5 DOI: 10.14451/1.259.221

Роль международных институтов в развитии торгового конфликта между США и Китаем

© 2026 **Иванова Наталья Игоревна**

Доцент кафедры экономической теории, доцент, кандидат экономических наук.

Самарский государственный экономический университет, Самара.

E-mail: cleotasha@rambler.ru

© 2026 **Васина Дарья Игоревна**

Студент. Самарский государственный экономический университет, Самара.

E-mail: dasha.vasina2003@mail.ru

Ключевые слова: глобальное управление, институциональная фрагментация, торговый конфликт США и Китая, ВТО, механизмы разрешения споров, G7, G20, БРИКС, геоэкономическая конкуренция, полицентричность.

Статья посвящена анализу роли многосторонних институтов в условиях торгового конфликта между США и Китаем. Исследуются функции ВТО, системы ООН и клубных форматов (G7, G20, БРИКС) в контексте нарастающей геоэкономической фрагментации. На основе неолиберального институционализма и теории международных режимов выявлено функциональное перераспределение ролей между универсальными и клубными институтами. Первые сохраняют нормативно-легитимирующую функцию при утрате принудительной, тогда как практическая координация смещается к клубным форматам. Результаты имеют значение для понимания трансформации архитектуры глобального управления в условиях полицентричного миропорядка.

Введение

Современная система глобального управления переживает период глубокой трансформации, связанной с усилением геоэкономической конкуренции и фрагментацией мировой экономики. Торговый конфликт между Соединенными Штатами и Китаем стал наиболее масштабным проявлением этой тенденции, затронув не только двусторонние экономические отношения, но и институциональные основы многостороннего регулирования мировой торговли. Впервые за последние десятилетия ведущие державы системно прибегли к односторонним тарифным и нетарифным мерам, поставив под вопрос эффективность универсальных механизмов разре-

шения споров и координации экономической политики.

Актуальность исследования обусловлена тем, что торговое противостояние США и Китая разворачивается на фоне кризиса универсальных институтов, прежде всего механизма разрешения споров Всемирной торговой организацией (ВТО), а также одновременного усиления клубных форматов взаимодействия. Эти процессы свидетельствуют о структурных изменениях в архитектуре глобального управления, где универсальные, региональные и клубные институты начинают выполнять различные, порой конкурирующие функции.

Объектом исследования выступает современная система многостороннего институционального регулирования международных экономических отношений. Предмет исследования – экономические отношения по поводу трансформации места и роли международных институтов в системе глобального управления, нашедшие проявление в торговом конфликте США и Китая.

Цель статьи заключается в выявлении роли многосторонних институтов в торговом конфликте США и Китая и – шире – фрагментации мировой экономики.

Для достижения поставленной цели в статье последовательно решаются следующие задачи:

Проанализировать теоретические подходы к роли международных институтов в мировой экономике в условиях фрагментации;

Исследовать функционирование механизма разрешения споров ВТО в контексте торгового противостояния США и Китая;

Оценить нормативную роль системы Организации Объединенных Наций (ООН) в формировании дискурса о легитимности односторонних мер;

Сравнить функции клубных форматов – G7, G20 и БРИКС – в условиях институциональной фрагментации;

Выявить факторы смещения вектора глобального регулирования от универсальных механизмов к полицентричной модели гибридного управления.

Методологическую основу исследования составляют положения неолиберального институционализма, теории международных режимов и концепции геоэкономической фрагментации. Используются методы сравнительного институционального анализа, метод конкретных ситуаций (кейс-метод), а также анализ официальных документов международных организаций.

Гипотеза исследования заключается в том, что в условиях торгового конфликта великих держав универсальные международные институты

утрачивают способность к принудительному регулированию, однако сохраняют нормативную и легитимирующую функции, тогда как фактическая координация экономической политики смещается в сторону клубных форматов и параллельных механизмов.

Научная новизна работы состоит в следующем:

- уточнении фрагментации применительно к международной институциональной системе,
- системном сопоставлении универсальных, клубных и параллельных институтов в условиях институциональной фрагментации,
- выявлении функционального перераспределения их ролей в ходе торгового конфликта США и Китая.

Теоретические основы институциональной системы в условиях фрагментации

Современный этап развития мирового хозяйства характеризуется нарастанием противоречивых тенденций. Так, углубление взаимозависимости сочетается с усилением центробежных сил, что ставит под вопрос эффективность существующей модели глобального управления. В этих условиях теоретическое осмысление роли международных институтов требует обращения к концепциям, объясняющим как логику сотрудничества, так и причины институциональной эрозии.

Базовой теорией для анализа способности институтов регулировать поведение государств выступает неолиберальный институционализм. Сторонники этого подхода (Р. Кохэн, Л. Мартин, О. Янг) рассматривают международные институты как правила игры, которые снижают транзакционные издержки, уменьшают неопределенность и облегчают межгосударственное сотрудничество [2]. Ключевой аргумент неолибералов заключается в том, что институты, однажды созданные, обретают собственную инерцию и способность влиять на интересы государств даже при изменении исходных условий их формирования [11].

Институционалисты исходят из того, что международные организации способны поддерживать сотрудничество между государствами даже в тех случаях, когда первоначальные причины их создания постепенно утрачивают актуальность. Это связано с тем, что институты формируют устойчивые правила взаимодействия, повышают прозрачность международных отношений и делают нарушение договоренностей более затратным с точки зрения репутации и политических последствий [4].

Вместе с тем, современные изменения мировой экономики создают серьезные ограничения для универсальной институциональной модели. В научной литературе данные процессы все чаще описываются через понятие «фрагментации». В рамках настоящего исследования институциональная фрагментация понимается как такое состояние международной системы, при котором регулирование мировой экономики осуществляется одновременно несколькими группами институтов — универсальными, региональными и клубными, — чьи функции частично пересекаются и конкурируют между собой.

Как отмечается в современной геополитической литературе, после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. и пандемии COVID-19 устойчивость прежней модели глобализации заметно снизилась [1]. Если ранее международная экономическая интеграция рассматривалась как поступательный и почти необратимый процесс, то в последние годы усилились противоположные тенденции. Государства все чаще прибегают к протекционистским мерам, стремятся локализовать критически важные производства и снизить зависимость от внешних поставщиков. Фрагментация мировой экономики проявляется не только в торговых ограничениях, но и в постепенном формировании отдельных политико-экономических блоков. Это усиливает конкуренцию за технологии, инвестиции и доступ к рынкам. В результате крупнейшие державы начинают все менее охотно придерживаться универсальных правил, если такие правила ограничивают реализацию их национальных интересов [1].

В подобных условиях возрастает значение классификации международных институтов с точки зрения их функций и состава участников. В теории международных отношений такие институты обычно разделяют по составу участников и функциональному назначению [4].

К универсальным институтам относятся, прежде всего, Организация Объединенных наций и Всемирная торговая организация. Их задача состоит в формировании единых правил игры для максимально широкого круга участников международной системы. Легитимность подобных структур базируется на принципе суверенного равенства государств и признании общих норм всеми участниками. С точки зрения неолиберального институционализма, именно такие организации позволяют снижать уровень неопределенности в мировой политике и экономике. Однако на практике универсальный характер этих институтов одновременно становится и источником их уязвимости. Чем более неоднородными становятся интересы государств, тем сложнее достигнуть согласия по ключевым вопросам. Кроме того, механизмы принуждения внутри подобных организаций часто оказываются недостаточно эффективными в отношении крупнейших держав [1].

На этом фоне возрастает роль клубных форматов с ограниченным числом участников. К ним можно отнести как традиционные военно-политические и экономические объединения, так и более гибкие механизмы координации — G7, G20 и БРИКС [4]. Преимущество таких структур связано с тем, что государства внутри них обычно обладают более близкими интересами и сходным пониманием приоритетов. Это облегчает согласование решений и снижает издержки переговорного процесса. Вместе с тем, эффективность подобных форматов достигается за счет отказа от универсальности и глобального консенсуса.

Таким образом, теоретическая основа исследования формируется на пересечении двух разнонаправленных тенденций. С одной стороны,

универсальные международные институты заинтересованы в сохранении общего нормативного пространства и единых правил взаимодействия. С другой стороны, усиливающаяся фрагментация мировой экономики побуждает государства искать более гибкие механизмы координации, рассчитанные на ограниченный круг участников. В связи с этим выдвигается следующая гипотеза: в условиях открытого торгового противостояния между ведущими державами возможности универсальных институтов по обеспечению соблюдения правил существенно сокращаются. Вместе с тем, они продолжают играть важную роль в формировании нормативных ориентиров и обеспечении легитимности международных правил. Практические же функции регулирования все чаще реализуются в рамках клубных объединений и соглашений с ограниченным составом участников.

Кризис универсального арбитража на примере ВТО

Торговое противостояние между США и Китаем стало серьезной проблемой эффективности универсальных механизмов регулирования. Особое значение в данном контексте имеет Всемирная торговая организация (ВТО) и действующий в ее рамках механизм разрешения споров (МРС), который традиционно рассматривается как ключевой инструмент поддержания устойчивости и предсказуемости мировой торговой системы. Однако события последних лет показали, что способность этой институциональной конструкции обеспечивать исполнение установленных правил сталкивается с существенными ограничениями. Для оценки масштабов возникших проблем необходимо обратиться как к конкретным спорам, которые рассматривались в рамках ВТО, так и к анализу текущего состояния самой системы арбитража.

Торговое противостояние между двумя странами началось в 2018 г. с односторонних шагов американской стороны и почти сразу перешло в судебную плоскость. Показательно дело DS558: 16 июня 2018 г. США запросили консультации с Китаем в связи с введенными последними ответными пошлинами на американские

товары. Вашингтон указал на нарушение статей I:1, II:1(a) и II:1(b), закрепляющие режим наибольшего благоприятствования и зафиксированные уровни связывания тарифов [6].

Параллельно рассматривалось и дело DS543 *Tariff measures on Certain Goods from China*, инициированное Китаем против США в отношении американских тарифов по разделу 301. В совокупности с 2018 г. между США и Китаем было инициировано более десяти взаимных споров в рамках ВТО, что делает конфликт одним из наиболее институционально насыщенных в истории организации.

Защита Китая строилась на принципиально ином прочтении ситуации. Китай утверждал, что его меры являются законным ответом на действия США, которые должны рассматриваться как защитные меры (*safeguards*), подпадающие под действие статьи XIX ГАТТ-1994 и Соглашения по защитным мерам. Соответственно, с точки зрения Китая, действие статей I и II ГАТТ должно быть приостановлено в силу применения статьи 8.2 Соглашения по защитным мерам, позволяющей пострадавшей стороне приостанавливать уступки [5].

Панель ВТО в своем решении, распространенном 16 августа 2023 г., отклонила аргументы Китая. Судьи постановили, что ключевое значение имеет юридическая квалификация первичных мер США, которые и спровоцировали ответ Китая. Панель пришла к выводу, что меры США были введены на основании статьи XX ГАТТ-1994 (соображения национальной безопасности), а не статьи XIX. Следовательно, Соглашение по защитным мерам к ним неприменимо, как это прямо указано в статье 11.1 (с) данного Соглашения [5]. Поскольку первичные меры США не являются защитными, Китай не имеет права ссылаться на ответные меры, предусмотренные Соглашением по защитным мерам. В итоге панель признала действия Китая несовместимыми со статьями I и II ГАТТ.

Однако вынесение вердикта панелью не исчерпывает конфликта. Ключевая проблема современного МРС ВТО заключается

в нефункционировании Апелляционного органа (Appellate Body). С конца 2019 г. из-за блокировки США назначения новых членов орган перестал рассматривать апелляции, что привело к системному кризису [15]. Ситуация вокруг дела DS558 иллюстрирует этот кризис. Так, 18 сентября 2023 г. Китай подал апелляцию на решение панели в Апелляционный орган. Однако, как отмечается в официальном уведомлении, поскольку отделение Апелляционного органа не может быть сформировано для слушания данной апелляции, и в интересах справедливости и надлежащей процедуры Китай вынужден ожидать дальнейших инструкций. Фактически, апелляция Китая зависает в пустоте, что стало устойчивой практикой для проигравших сторон после 2019 г. [5; 9].

Претензии США, которые привели к этому параличу, носят системный характер. Вашингтон обвиняет Апелляционный орган в превышении мандата и судебном активизме. Критика концентрируется вокруг нескольких ключевых проблем: систематическое нарушение 90-дневного срока рассмотрения апелляций, предусмотренного статьей 17.5 Договора о разрешении споров (ДРС), без явно выраженного согласия сторон; практика, позволяющая завершившим срок членам органа дорассматривать начатые дела (Rule 15), что, по мнению США, противоречит статье 17.2 ДРС о четырехлетнем сроке полномочий; и, что наиболее важно, создание прецедентного права, когда предыдущие отчеты рассматриваются как обязательные к исполнению при отсутствии убедительных причин для отступления [15].

Паралич Апелляционного органа подрывает саму суть ДРС ВТО, которая, согласно статье 3.3 ДРС, направлена на оперативное урегулирование споров. Апелляция в никуда лишает решение панели окончательной силы. Пока апелляция не рассмотрена, решение панели не может быть принято Органом по разрешению споров (DSB), и, следовательно, у проигравшей стороны не возникает формального обязательства привести свои меры в соответствие с правилами ВТО. Как отмечается в аналитических докладах,

это создает правовую неопределенность и позволяет стране, подавшей апелляцию, бесконечно сохранять оспариваемые меры [15].

После введения Соединенными Штатами первых ограничительных мер в рамках ВТО были инициированы разбирательства по искам ряда государств, в том числе Китая. Так, 9 апреля 2018 г. китайская сторона запросила консультации с США по вопросу введения тарифов на сталь и алюминий (дело DS556), после чего была сформирована соответствующая группа экспертов. Вместе с тем, эффективность дальнейшего рассмотрения подобных споров вызывает сомнения, поскольку вынесенные решения могут столкнуться с трудностями на стадии апелляционного просмотра. В результате складывается ситуация, при которой стороны способны получить решения в свою пользу на отдельных этапах процесса, однако механизм доведения спора до окончательного и обязательного для исполнения решения оказывается существенно ограничен. В докладе Национального совета по торговле Швеции отмечается, что затягивание процедур и снижение их результативности подрывает доверие участников к системе разрешения споров, причем наибольшие преимущества в подобных условиях получают государства, располагающие значительными политическими и экономическими ресурсами [15].

Одновременное существование судебных процессов в рамках ВТО практически не повлияло на дальнейшее развитие тарифного противостояния между США и Китаем. Рассмотрение споров не стало препятствием для принятия новых ограничительных мер. После введения пошлин на импорт стали и алюминия американская администрация перешла к более масштабным тарифным ограничениям в отношении китайской продукции, обосновав их результатами расследования по разделу 301 Закона о торговле 1974 г. Вашингтон заявил о наличии со стороны Китая недобросовестных практик, связанных с передачей технологий и защитой интеллектуальной собственности [17]. Китай, в свою очередь, ответил введением сопоставимых тарифов на ряд американских товаров.

ВТО превратилась в арену для *post factum* юридической оценки действий, уже совершенных в одностороннем порядке. Обзор торговой политики США за 2023 г. фиксирует, что, хотя доля Китая в общем импорте США несколько снизилась, абсолютные объемы торговли оставались высокими, а импорт из других азиатских производителей (Вьетнама, Тайваня) значительно вырос, что указывает на перенаправление торговых потоков под воздействием тарифов, а не на восстановление прежнего положения благодаря решениям ВТО [17].

Таким образом, ВТО столкнулась с кризисом — кризисом принуждения. Универсальный институт сохраняет свою нормативную функцию — он продолжает вырабатывать экспертные, юридически обоснованные решения и тем самым подтверждает легитимность заложенных в нем принципов. Однако его принудительная функция полностью парализована вследствие кризиса Апелляционного органа, что позволяет великим державам игнорировать невыгодные для них решения. В этом смысле ВТО из эффективного арбитра, обеспечивающего исполнение правил, превратилась в площадку для ведения юридических дискуссий, неспособную повлиять на действия своих ключевых членов.

Организация Объединенных Наций (ООН) и многосторонний консенсус: нормативное измерение торгового конфликта США и Китая

В отличие от ВТО, обладающей механизмом судебного принуждения, система ООН функционирует в иной институциональной логике. Генеральная Ассамблея и Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) выступают не столько арбитрами в спорах, сколько площадками для формирования глобального нормативного консенсуса и легитимизации определенных принципов международных экономических отношений. В условиях тарифной эскалации и кризиса ВТО роль ООН как источника альтернативного дискурса о справедливой торговле и развитии приобретает особое значение.

Генеральная Ассамблея ООН на протяжении десятилетий последовательно фиксирует свою

позицию относительно недопустимости использования односторонних принудительных мер в международных экономических отношениях. Ключевым документом, задающим нормативную рамку, является резолюция 74/200 «Односторонние экономические меры как средство политического и экономического принуждения развивающихся стран», принятая 19 декабря 2019 г. В этой резолюции Ассамблея, ссылаясь на Декларацию о принципах международного права, вновь подтверждает, что ни одно государство не может применять односторонние экономические меры с целью добиться подчинения себе другого государства [13].

В документе отмечается, что применение таких мер отрицательно влияет на экономику развивающихся стран и оказывает общее негативное воздействие на международное экономическое сотрудничество. Генеральная Ассамблея настоятельно призывает международное сообщество принять срочные меры, чтобы положить конец практике применения односторонних экономических, финансовых или торговых мер, которые не санкционированы соответствующими органами ООН и противоречат принципам международного права и Уставу [13]. Важно подчеркнуть, что резолюция была принята еще до пика пандемии и нового витка геополитической напряженности, что свидетельствует о долговременном характере озабоченности большинства государств-членов.

Эта линия была продолжена и развита в резолюции 79/195 «Международная торговля и развитие», принятой 19 декабря 2024 г. В ней Генеральная Ассамблея, приветствуя итоги 13-й Министерской конференции ВТО, вновь подчеркивает, что многосторонние правила являются наилучшей гарантией против протекционизма и основой для транспарентности, предсказуемости международной торговли [9].

Особое значение в резолюции 2024 г. придается проблеме односторонних протекционистских мер. Так, пункт 33 является прямой отсылкой к обсуждаемым в контексте торговой войны

инструментам, которые могут усугубить фрагментацию глобальной экономики [9].

ЮНКТАД, выступающий одним из ключевых аналитических центров ООН по вопросам мировой торговли и развития, фиксирует нарастающее влияние геоэкономической нестабильности на мировую экономику. Согласно Докладу о торговле и развитии 2025 г. (Trade and Development Report 2025), темпы роста мировой экономики в 2025 г. имеют тенденцию снижения до 2,6 %, а в 2026 г. существенного ускорения также не ожидается [16]. В докладе подчеркивается, что дополнительное давление на мировую экономику оказывает неопределенность торговой политики, расширение протекционистских мер и усиление фрагментации глобальных производственных и финансовых связей [16]. По оценкам ЮНКТАД, подобные процессы негативно влияют на инвестиционную активность, устойчивость цепочек поставок и перспективы международного экономического сотрудничества.

Ключевой тезис доклада заключается в том, что сбои торговой политики выходят далеко за рамки тарифов и отражают глубокую трансформацию глобальной экономики [16]. Аналитики ЮНКТАД указывают на фундаментальный дисбаланс между правилами глобальной торговли (преимущественно многосторонними) и централизованной глобальной финансовой системой, доминируемой долларом США. К этому дисбалансу, по мнению экспертов, особенно чувствительны малые развивающиеся экономики, которые асимметрично страдают от тарифной эскалации, роста стоимости обслуживания долга и климатического кризиса [16].

В докладе также отмечается, что неопределенность торговой политики, достигшая исторических максимумов в апреле 2025 г., хотя и снизилась, остается на высоком уровне, продолжая давить на инвестиционные решения компаний. Более того, прямое воздействие торговых мер усугубляется их вторичными эффектами и общей политической неопределенностью, что ведет к общему ухудшению глобальной экономико-институциональной среды. Прогнозы для

различных регионов подтверждают эту тенденцию: от замедления роста в США и Европе до сохранения умеренных, но неустойчивых темпов в Африке и Латинской Америке.

Аналитическая записка Global Trade Update (2026) дополняет эту картину статистикой, отражающей усиление протекционистских тенденций в мировой экономике. По оценкам ЮНКТАД, начиная с 2020 г. государства ввели около 18 тыс. новых дискриминационных торговых ограничений [10]. Значительная часть мировой торговли сегодня также связана с действием технических регламентов, санитарных и фитосанитарных требований. По данным организации, подобные меры затрагивают приблизительно две трети глобального товарооборота [10]. В докладе подчеркивается, что рост числа ограничительных мер усиливает нестабильность международной торговой системы и стимулирует государства искать дополнительные механизмы экономической адаптации. Среди возможных направлений ЮНКТАД выделяет расширение регионального сотрудничества, диверсификацию экспортных направлений и развитие альтернативных механизмов международных расчетов, позволяющих уменьшить зависимость от отдельных валют и повысить устойчивость внешнеэкономических связей [10].

Таким образом, роль ООН в торговом конфликте США и Китая отличается от функций ВТО. Если ВТО ориентируется на разрешение торговых споров, то система ООН в большей степени формирует нормативный и политический подход к оценке происходящих процессов. Генеральная Ассамблея последовательно поддерживает принципы многосторонней торговли и выражает обеспокоенность распространением односторонних экономических мер. ЮНКТАД, в свою очередь, акцентирует внимание на последствиях протекционизма и фрагментации мировой экономики. Хотя структуры ООН не располагают механизмами принудительного воздействия, они сохраняют значение как источник нормативной легитимации международных правил и многостороннего подхода к регулированию мировой торговли.

Клубные форматы: институционализация блоков

На фоне ослабления универсальных институтов возрастает роль клубных форматов международного взаимодействия. В отличие от ВТО, такие структуры не обладают жесткими механизмами принуждения, однако позволяют государствам координировать экономическую и политическую стратегию внутри ограниченного круга участников [3].

Сопоставление деятельности G7, G20 и БРИКС показывает, что каждый из этих форматов по-разному реагирует на процессы институциональной фрагментации мировой экономики. Одни структуры ориентированы на координацию политики западных государств, другие – на поддержание диалога между развитыми и развивающимися странами, третьи – на формирование альтернативных механизмов международного взаимодействия.

Первоначально G7 рассматривалась преимущественно как площадка для консультации между ведущими институциональными демократиями. Однако содержание коммюнике саммита в Апулии 2024 г. показывает, что функции этого формата постепенно расширяются. В последние годы G7 стала одним из основных механизмов согласования позиций по вопросам экономической безопасности, технологического соперничества и устойчивости международных производственно-сбытовых цепочек.

Особое внимание в документе уделяется проблеме нерыночных практик, которые государства «Большой семерки» рассматривают как фактор, искажающий условия международной конкуренции. Участники также обращают внимание на быстрое наращивание производственных мощностей в отдельных секторах экономики, прежде всего в высокотехнологичных отраслях и в сфере зеленой энергетики. По мнению стран G7, подобные процессы способны привести к избытку предложения на мировом рынке, снижению цен и усилению зависимости ряда государств от ограниченного круга поставщиков [8].

В документе также рассматриваются механизмы контроля над критически важными технологиями и вопросы координации действий в случаях экономического давления со стороны иностранных государств. Появление этих тем в повестке связано как с обострением торгово-экономических противоречий с Китаем, так и с желанием участников выработать согласованный подход к мерам, которые ими оцениваются как несоответствующие принципам справедливой международной торговли.

Существенное место в стратегии занимает и тема устойчивости цепочек поставок. В коммюнике подчеркивается необходимость диверсификации поставок, повышения прозрачности и совместного определения критически важных отраслей и товаров [8].

Особой акцент сделан на диверсификацию источников критически важных минералов, что напрямую связано со стремлением снизить зависимость от Китая. Примечательно, что несмотря на продолжающуюся риторику о реформе ВТО и необходимости сохранения правил многосторонней торговли основная практическая деятельность G7 все больше сосредотачивается на снижающих риск мерах и создании защищенных периметров [8]. Таким образом, G7, на долю которой приходится около 30% мирового ВВП, превращается в институт, формализующий экономический разлом и координирующий политику френдшоринга.

В отличие от G7 «Группа двадцати» (G20) сохраняет свою роль как премьер-форум для международного экономического сотрудничества, включающий как развитые, так и ключевые развивающиеся экономики. Однако Делийская декларация 2023 г. ярко отражает нарастающее напряжение между стремлением к консенсусу и геополитическими реалиями. Значительная часть документа посвящена вопросам, где консенсус возможен: реформа многосторонних банков развития, проблемы задолженности развивающихся стран, климатическое финансирование. В вопросах международной торговли G20 подтверждает приверженность реформе

ВТО и надежде на восстановление работающей системы разрешения споров [7].

Итоговый документ саммита отразил существенные расхождения в позициях участников, зафиксировав их в форме множественных оговорок и альтернативных формулировок [7]. G20, охватывающая страны с долей около 80 % мировой торговли и двух третей населения планеты, сохраняет статус ключевой многосторонней площадки для диалога между развитыми и развивающимися экономиками. Вместе с тем, ее возможности по выработке консолидированной позиции применительно к американо-китайскому противостоянию остаются весьма ограниченными. Практическая функция формата сводится скорее к сдерживанию риторической эскалации, нежели к форматированию действенных механизмов противостояния фрагментации.

Наиболее показательным примером альтернативной институционализации в рамках клубного формата служит БРИКС. Принятие Йоханнесбургской декларации II в августе 2023 г. ознаменовало качественный сдвиг в позиционировании этой группы от консультативного формата к структуре, последовательно выдвигающей собственные переходы к реформированию международного экономического порядка. Государства БРИКС, на которые приходится свыше 40 % мирового населения и около трети глобального ВВП по паритету покупательной способности, все отчетливее артикулируют самостоятельную повестку. Центральным ее элементом выступает критика односторонних принудительных мер

как несовместимых с принципами Устава ООН, а также требование реформирования бреттонвудских институтов – МВФ и Всемирного банка – в части расширения представленности развивающихся стран. В торговой сфере БРИКС выступает за реформирование ВТО и сохранение особых условий для развивающихся стран, предусматривающих более гибкие торговые обязательства и специальные механизмы поддержки [18].

Новый банк развития рассматривается как ключевой инструмент инфраструктурного финансирования, альтернативный западным механизмам. Расширение БРИКС за счет вступивших 1 января 2024 г. Аргентины, Египта, Эфиопии, Ирана, Саудовской Аравии и ОАЭ усиливает его вес и репрезентативность как представителя интересов Глобального Юга [18]. В медийном дискурсе БРИКС часто воспринимается как инструмент для придания веса позициям развивающихся стран в рамках G20 и на мировой арене. Формирование параллельных институтов и продвижение альтернативных валютных механизмов свидетельствует о долгосрочной стратегии по созданию полицентричной системы, способной функционировать вне доминирования западных структур.

Анализ трех клубных форматов позволяет выявить их дифференцированную роль в контексте американо-китайского торгового конфликта и общей фрагментации мировой экономики (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительная характеристика клубных институтов.

Институт	Доля в мировом ВВП, %	Отношение к торговому конфликту США–Китай	Тип функции	Эффект
G7	30	Координация политики де-риска, выработка коллективных мер против нерыночных методов и избыточных мощностей [8]	Координационная, защитная	Усиление экономической фрагментации за счет формирования закрытых институтов и стандартов

Продолжение на следующей странице

Таблица 1. Сравнительная характеристика клубных институтов. (Продолжение таблицы)

Институт	Доля в мировом ВВП, %	Отношение к торговому конфликту США–Китай	Тип функции	Эффект
G20	80	Сохранение платформы для диалога, фиксация разногласий при попытке сохранить консенсус по глобальным вызовам [G20, 2024]	Диалоговая, стабилизирующая	Смягчение риторики, предотвращение крайних форм протекционизма, но не выработка решений
БРИКС	35	Критика односторонних мер и защита развивающихся рынков, продвижение расчетов в национальных валютах и альтернативных платформ [18]	Альтернативная, конкурирующая	Институционализация альтернативного полюса, создание параллельных механизмов

Источник: составлено авторами на основе данных [G7, 2024; G20, 2023; BRICS, 2023].

Сопоставление трех клубных форматов выявляет их дифференцированное место в складывающейся архитектуре глобального управления. G7 последовательно выходит за рамки консультативной площадки, приобретая черты координационного блока с выраженной стратегической линией в сфере экономической безопасности и технологической конкуренции. G20 удерживает универсальный мандат и остается значимым каналом взаимодействия между развитыми и развивающимися экономиками, однако глубина структурных противоречий между участниками существенно сужает ее возможности применительно к урегулированию конкретных конфликтов. БРИКС, в свою очередь, наиболее последовательно движется по пути альтернативной институционализации. Новый банк развития, механизмы расчетов в национальных валютах и независимые платежные инструменты складываются в контуры параллельной финансово-экономической инфраструктуры. Совокупность этих процессов свидетельствует о постепенном замещении универсальной модели глобального управления полицентричной конфигурацией, в которой различные клубные правила игры не столько дополняют друг друга, сколько конкурируют между собой.

Новый Совет мира

Инициатива администрации Дональда Трампа по созданию Совета мира (Board of Peace) вписывается в обозначенные выше институциональные

тенденции и заслуживает отдельного рассмотрения. Реакция на нее со стороны ряда государств, прежде всего, Китая, дает дополнительный материал для понимания характера продолжающихся сдвигов в архитектуре глобального управления.

Резолюция, учреждающая Совет мира и подписанная 22 января 2026 г., отражает смещение от классической модели универсального многостороннего регулирования к регулированию фрагментарному. В преамбуле указывается, что Совет создается во исполнение «Комплексного плана президента Дональда Дж. Трампа по прекращению конфликта в Газе» и резолюции Совета Безопасности ООН 2803, которая этот план одобряет [14]. При этом, институциональный дизайн Совета отличается от традиционных межправительственных структур.

Совет рассматривается как временный орган управления, которому переданы как законодательные, так и исполнительные функции. Система его организации построена по вертикальному принципу: Председатель формирует состав Исполнительного совета и утверждает назначения на ключевые должности, включая Верховного представителя и командующего Силами стабилизации. Такой порядок существенно отличается от механизмов, основанных на участии государств через систему коллективного представительства. Финансовая деятельность

Совета обеспечивается за счет добровольных взносов, а его персональный состав определяется посредством назначения, а не выборного или представительского принципа [14].

Особенности данной модели управления свидетельствуют о высокой степени концентрации полномочий в рамках единой структуры и позволяют принимать решения без необходимости достижения широкого межгосударственного согласия. Появление подобных механизмов управления отражает более общий процесс трансформации международного регулирования. В случаях, когда деятельность универсальных институтов, включая ООН, сталкивается с политическими разногласиями или затягиванием процедур, возрастает интерес к альтернативным форматам, способным обеспечить более быстрое принятие и реализацию решений.

Позиция Китая в отношении Совета мира также показательна. Официальный Пекин заявил о необходимости сохранения центральной роли ООН и подчеркнул приоритет решений, принимаемых в универсальном формате [12]. Тем самым Китай подтвердил приверженность институциональной модели, основанной на межгосударственном согласовании в рамках существующих универсальных структур.

Это соотносится с позицией Китая в рамках ВТО, где Пекин последовательно выступает за сохранение и реформирование многосторонней системы разрешения споров. В то же время Китай активно участвует в развитии альтернативных экономических механизмов – расширении расчетов в национальных валютах, институциональном укреплении БРИКС и деятельности Нового банка развития [18].

Таким образом, поведение как США, так и Китая демонстрирует двойственную динамику: сохранение универсалистской риторики сочетается с развитием ограниченных или параллельных форматов координации. В одном случае создается структура, позволяющая принимать решения вне процедуры универсального согласования;

в другом – подчеркивается значимость универсальных институтов при одновременном укреплении альтернативных платформ.

В торгово-экономической сфере аналогичные процессы проявляются в смещении практического регулирования к инструментам, находящимся за пределами универсальных процедур. При сохранении нормативной роли правил ВТО реальная координация все чаще осуществляется через сеть клубных и региональных механизмов от G7 до Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В совокупности эти процессы позволяют говорить о постепенном переходе от преимущественно универсальной модели глобального управления к более полицентричной конфигурации, в которой универсальные, клубные и параллельные форматы сосуществуют и, вместе с тем, конкурируют между собой.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о глубокой трансформации роли многосторонних международных институтов в условиях торгового конфликта между США и Китаем. Конфликт стал не только проявлением стратегического соперничества двух крупнейших экономик мира, но и тестом на устойчивость существующей архитектуры глобального управления.

Ситуация вокруг ВТО наглядно выявляет пределы универсального арбитража в условиях конфликта великих держав. Формальные процедуры рассмотрения споров никуда не исчезли, однако паралич Апелляционного органа существенно снизил их практическую значимость. Организация продолжает выполнять экспертную и нормативную функции, однако ее способность обеспечивать исполнение решений крупнейшими государствами-членами оказалась принципиально ограничена.

Система ООН выполняет в данном контексте иную институциональную роль. Генеральная Ассамблея и ЮНКТАД не располагают инструментами прямого принуждения, однако через резолюции, аналитические доклады и экспертные

оценки последовательно поддерживают принципы многостороннего сотрудничества и фиксируют негативные последствия распространения односторонних экономических мер. Тем самым структуры ООН формируют нормативную основу для оценки происходящих в мировой торговле трансформаций.

Параллельно возрастает практическая значимость клубных форматов взаимодействия. G7 все отчетливее функционирует как механизм координации политики западных государств в сфере экономической безопасности и технологической конкуренции. G20 сохраняет роль ключевой площадки для международного диалога, хотя возможности формата по достижению устойчивого консенсуса по спорным вопросам заметно сокращается. БРИКС последовательно развивает альтернативные финансовые и экономические механизмы, ориентированные прежде всего на интересы государств Глобального Юга.

Рассмотренные процессы в совокупности свидетельствуют о постепенном переходе от относительно единой модели глобального управления к полицентричной системе, в которой несколько групп институтов сосуществуют и конкурируют между собой. Универсальные институты сохраняют значение как источник нормативных принципов и легитимации международных правил, тогда как практическая координация экономической политики все в большей степени смещается в сторону клубных и региональных форматов. Дальнейшее изучение устойчивости подобной многоуровневой конфигурации и характера взаимодействия универсальных и блоковых механизмов представляется особенно актуальным в условиях нарастающей геоэкономической конкуренции.

Библиографический список

1. Братерский М. В. Введение. Фрагментация vs глобализация // Актуальные проблемы Европы. — 2024. — № 1. — С. 7–17. — DOI: [10.31249/ape/2024.01.01](https://doi.org/10.31249/ape/2024.01.01).
2. Ланцов С. А. Институциональные факторы в мировой политике (анализ основных направлений современной теории международных отношений) // Политэкс. — 2011. — Т. 7, № 1. — С. 207–221. — URL: https://www.elibrary.az/docs/jurnal/jrn2011_982.pdf.
3. Brandi C. Club governance and legitimacy: The perspective of old and rising powers on the G7 and the G20 // South African Journal of International Affairs. — 2019. — Oct. — Vol. 26, no. 4. — P. 685–702. — ISSN 1938-0275. — DOI: [10.1080/10220461.2019.1697354](https://doi.org/10.1080/10220461.2019.1697354).
4. Clayton C., Maggiori M., Schreger J. A Theory of Economic Coercion and Fragmentation. NBER Working Paper no. 33309, December 2024 (revised April 2025). — 2024. — DOI: [10.3386/w33309](https://doi.org/10.3386/w33309).
5. Dispute Settlement Case DS543 – United States – Tariff Measures on Certain Goods from China. Summary of the Dispute to Date. 3 November 2023 / World Trade Organization. — 2023.
6. Dispute Settlement Case DS558 – China – Additional Duties on Certain Products from the United States. Summary of the Dispute to Date / World Trade Organization. — 2023.
7. G20 New Delhi Leaders' Declaration. 9–10 September 2023 / G20. — 2023.
8. G7 Apulia Leaders' Communique. 14 June 2024 / G7. — 2024.
9. General Assembly High-level Week 2024. New York: United Nations / United Nations. — 2024. — URL: <https://www.un.org/en/high-level-week-2024> (visited on 02/20/2026).
10. Global Trade Update: Policy Insights. Top Trends Redefining Global Trade in 2026. Geneva: United Nations / UNCTAD. — 2026.
11. Hellmann G., Wolf R. Neorealism, Neoliberal Institutionalism, and the Future of NATO // Security Studies. — 1993. — Vol. 3, no. 1. — P. 3–43.
12. N. H. Beijing Unveils Competing Vision for Gaza After Rejecting US-Led Initiative. Modern Diplomacy, 26 February 2026. — 2026.
13. Resolution 74/200. Unilateral Economic Measures as a Means of Political and Economic Coercion against Developing Countries. A/RES/74/200. 19 December 2019 / United Nations General Assembly. — 2019.
14. Resolution adopted by the Board of Peace on 22 January 2026. — 2026.
15. The Appellate Body Crisis. Stockholm: National Board of Trade Sweden / National Board of Trade Sweden. — 2023.
16. Trade and Development Report 2025. Chapter I: Current Trends and Challenges in the Global Economy. Geneva: United Nations / UNCTAD. — 2025.

-
17. Trade Policy Review. Report by the Secretariat. United States. Revision. WT/TPR/S/434/Rev.1. 12 May 2023 / World Trade Organization. – 2023. – 299 p.
 18. XV BRICS Summit Johannesburg II Declaration: BRICS and Africa: Partnership for Mutually Accelerated Growth, Sustainable Development and Inclusive Multilateralism. 23 August 2023. – 2023.